

О СЕМЕЙНОМ КОДЕКСЕ КОРОЛЕВСТВА МАРОККО 2004 ГОДА

© 2020 И.Г. Рыбалкина

РЫБАЛКИНА Инна Геннадьевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт Африки РАН. Российская Федерация, 123001, Москва, ул. Спиридоновка, 30/1, e-mail: i.rybalkina@inafr.ru

Аннотация. Современники характеризуют принятие в 2004 г. Семейного кодекса Марокко как «бархатную революцию» марокканских женщин. Реформирование кодекса под влиянием международно-правовых документов и деклараций оказалось возможным вследствие достижения страной определенного уровня развития социально-экономического базиса и общественно-политических взаимоотношений. В результате сложного взаимодействия королевской власти, исламских традиционалистов и светских партий был принят один из самых передовых семейных кодексов арабо-мусульманского мира. Он оказал влияние на реформирование аналогичных разделов государственного законодательства и в других странах региона. Но в работах отечественных специалистов по социальной истории его значение еще не нашло должного отражения. В статье предпринята попытка дать оценку документу, рассмотреть краткую историческую ретроспективу и основные этапы его принятия, а также современные проблемы реализации на практике.

Ключевые слова: Кодекс личного статуса, королевские реформы, женское движение, исламистские партии

DOI: 10.31132 / 2412-5717-2020-53-4-96-118

В юридической науке отмечается, что семейному праву в мусульманских странах присущи определенные особенности. Сам термин «семейное право» отсутствует, а вопросы брака, развода, наследования и опеки над несовершеннолетними регулируются так называемым отдельным правом личного статуса, которое наиболее тесно связано с религиозными и нравственными нормами и принципами ислама [1]. Женщины, будучи хранительницами обычаев, традиций и культурных ценностей, символизируют культурно-религиозную идентичность нации, а значит, защищая женщин, в частности, от воздействия западной социально-культурной традиции, государство пытается опосредованно защитить себя.

Одним из немногих примеров, доказывающих возможность реформирования брачно-семейных отношений в рамках мусульманских традиций, является кодекс личного статуса (Мудавана) 2004 г. Королевства Марокко, который фактически является Семейным кодексом. Он был принят в результате ожесточенных споров между исламскими традиционалистами, не видевшими необходимости реформирования кодекса 1957 г., и сторонниками демократических преобразований в марокканском обществе, светскими политическими партиями и женскими организациями, которые стремились осуществить обновление правового регулирования брачно-семейных отношений.

На престол в 1999 г. вступил 35-летний король Мухаммед VI, одобрявший идею реформировать семейное законодательство. Для этой цели он учредил в 2001 г. комитет, в состав которого входили три женщины (судья Верховного суда, социолог и доктор медицинских наук) и 13 мужчин, преимущественно улемов, религиозных богословов разных толков от либерального до консервативного, во главе с председателем Верховного

суда, которого в 2003 г. сменил бывший министр иностранных дел и генеральный секретарь партии «Истикляль» (Независимость) Мухаммед Бусетта. Последний выступил с заявлением, что требуется не внесение изменений, а принятие нового кодекса.

В мае 2003 г. в Касабланке произошла серия наиболее смертоносных в истории Марокко терактов, организованных исламистскими экстремистами, жертвами которых стали 45 человек убитыми и более 100 ранеными, что привело к падению популярности исламистских партий. В результате изменившейся политической обстановки король осенью того же года выступил в парламенте с изложением законопроекта нового Семейного кодекса, объявляя об одиннадцати принципиальных нововведениях и подчеркивая, что он «должен рассматриваться не как защищающий исключительно женщин, а как созданный в интересах всей семьи – отца, матери, детей; и чья цель – избавить женщин от несправедливости, защитить права детей и сохранить достоинство мужчин» [1].

В 2004 г. парламент одобрил принятие Семейного кодекса, имеющего более либеральное толкование. Между тем, все изменения в документ обосновываются ссылками на Коран и сунну, поскольку семейное право является единственной отраслью права в Марокко, которая подчиняется установлениям шариата.

Согласно новому кодексу, в первую очередь закон уравнил женщину в правах с мужчиной, а именно, муж уже более не является главой семьи, и супруги совместно принимают решения, имеющие значение для семейной жизни. Это важнейшее нововведение, значение которого невозможно переоценить. Отныне женщина не рассматривается как собственность мужа. Муж и жена обладают равными правами и обязанностями и несут равную ответственность перед семьей. При этом, в соответствии с мусульманской доктриной о правилах поведения, муж в любом случае обязан материально содержать жену.

Во-вторых, если ранее по семейному законодательству женщина находилась сначала под опекой отца, а затем мужа, не имея права распоряжаться ни своей жизнью, ни судьбой детей, то отныне она получила право вступать в брак исключительно при своем на то согласии, а также вверять опекунство над собой отцу либо любому другому родственнику по своему усмотрению. По статистике число женщин, вступающих в брак самостоятельно, без участия опекуна, имеет тенденцию к возрастанию, и в 2008 г. составило 20,7% от общего числа заключенных браков по сравнению с 18,9% в 2004 г. [2]

В-третьих, равенство мужчин и женщин новый кодекс подчеркнул и установлением единого возраста вступления в брак, совпадающего с совершеннолетием, – 18 лет, вместо прежних 18 для жениха и 15 лет для невесты. В определенных случаях он может быть снижен по решению суда; закон не устанавливает минимальный брачный возраст, ниже которого разрешение на заключение брака не может быть предоставлено.

В подавляющем большинстве мусульманских стран брачный возраст для женщин ниже, чем у мужчин (в Тунисе – 17 и 20, Египет, Сирия, Иордания – 16 и 18), и может быть еще снижен с согласия судьи. В Йемене, начиная с 1999 г. установлен не минимальный брачный возраст, а минимальный возраст начала супружеской жизни (15 лет). В Судане и Мавритании отмечается еще гораздо более ранний брачный возраст для девушек [1].

В-четвертых, предусмотрен ряд настолько серьезных препятствий для полигамных браков, что они стали практически почти неосуществимыми.

Из арабских стран только Семейный кодекс Туниса запрещает полигамию. Этот запрет объяснялся тунисскими законодателями двумя причинами: 1) полигамия, как и рабство, неприемлема для большинства людей; 2) в Коране моногамный брак рассматривается как идеальный, а полигамный – лишь как допустимый. Подобное толкование опирается на выводы известного египетского реформатора Мухаммеда Абдуха. В Сенегале допускается выбор между религиозным и гражданским порядком заключения брака, в последнем случае полигамия невозможна.

Марокканский кодекс 2004 г. прямо не запрещает полигамию, поскольку, как заявил король Мухаммед VI, он не в праве «ни разрешить то, что запретил Аллах, ни запретить то, что он разрешил» [18]. Однако закрепляются весьма жесткие требования. Прежде всего, женщина или ее опекун имеют право добиваться, чтобы в брачном договоре было зафиксировано условие о моногамности брака. Если такое условие не оговорено, то в исключительных обстоятельствах возможна полигиния. При этом муж должен обратиться в суд с просьбой разрешить ему заключить подобный брак и убедить суд, что объективные причины (бездетность, серьезная болезнь первой жены и пр.) оправдывают такое намерение, и что он располагает достаточными ресурсами, чтобы в равной мере обеспечить потребности двух семей. За женой, в свою очередь, закреплено право добиваться развода с выплатой всего причитающегося материального содержания, если она не согласна на второй брак мужа. А подавляющее большинство марокканок заявляют, в частности, что у них нет таких знакомых, которые могли бы согласиться на повторный брак своего мужа.

Данные положения закона являются принципиально новыми для Марокко. Кодекс личного статуса 1957 г., принятый после обретения страной независимости, предусматривал право мужчины заключать до четырех браков без согласия остальных жен. Обновленный кодекс 1993 г. уже требовал согласия первой супруги и женщины, с которой заключался очередной брак. Особенностью же современного законодательства является то, что право на заключение очередного брака полностью зависит от решения суда.

В научной литературе отмечается, что благодаря этим условиям полигиния в Марокко, если и не запрещена де-юре, то практически сведена на нет де-факто. Так, если в 1980 г. в Марокко около 3% браков были полигинийными, то, по статистическим данным министерства юстиции, к 2007 г. число подобных браков сократилось в десять раз и составило 0,3% от общего числа семейных союзов [1].

Пятое важное изменение коснулось граждан Марокко, проживающих за границей; для них была значительно упрощена процедура заключения брачного договора. Прежняя редакция закона требовала подписания брачного договора лишь на территории Марокко. В настоящее время гражданам Марокко, вступающим в брак за пределами страны, достаточно заключить брачный договор в присутствии двух свидетелей мусульман и зарегистрировать его в консульстве или в судебном органе.

Шестое изменение детализировало вопрос расторжения брака. Заявление мужчины в устной форме о желании расторгнуть брак отныне считается недействительным. В прошлом ему достаточно было заявить о своем намерении развестись без уточнения конкретных причин и объективного обоснования; не требовалось ни согласия жены, ни даже ее присутствия. Теперь процедура развода проходит под контролем судьи: муж обращается с заявлением в суд, чтобы последний разрешил нотариусам оформить акт об одностороннем разводе. Расторжению брака обязательно предшествует попытка примирения, а в случае наличия детей суд предпринимает две попытки. Согласно новому кодексу брачный союз не может быть прекращен до тех пор, пока муж не выплатит супруге и детям положенные законом денежные средства. Размер компенсации определяется судом, исходя из таких факторов, как продолжительность брака, материальное положение мужа и степень злоупотребления им своего права на развод.

Седьмое нововведение наделило женщину правом на развод, если муж не выполняет те или иные положения брачного договора или при причинении ей вреда со стороны мужа. Данная норма также соответствует духу нового закона тем, что подчеркивает равенство прав мужчины и женщины. Кроме того, закон позволил прекращение брака по обоюдному согласию. В прошлом женщина имела право на развод лишь по чрезвычайно ограниченному числу оснований.

Восьмое изменение закона уделяет особое внимание правам детей, которые прежде не были должным образом защищены. Помимо ратификации соответствующих между-

народных конвенций, закон отменил ранее действовавшие положения, лишавшие мать опеки над ребенком в случае вступления в новый брак. Право мужа воспрепятствовать бывшей жене в осуществлении надзора за ребенком, например, ввиду разницы в вероисповедании и ее намерения даже временно покинуть страну с ребенком, может повлечь весьма серьезные последствия в случае смешанных браков. А число таких браков неуклонно возрастает; к сожалению, соответственно возрастает и число разводов.

Девятое новшество связано с улучшением положения внебрачных детей. Отныне суд, изучив доказательства, может признать отцовство в отношении детей, рожденных вне брака, в частности, как формулируется в кодексе, в результате «вступления в супружеские отношения по ошибке» [1], т.е. после обручения, но еще до заключения брачного договора. А этот период времени, по множеству весьма различных причин может быть довольно продолжительным. Прежде незаконнорожденные не воспринимались ни законом, ни обществом. Ребенок не мог иметь фамилии, не имел права посещать школу. Родившая вне брака несла наказание в виде шести месяцев тюремного заключения, ребенка же помещали в детский дом. Поэтому женщины предпочитали тайно разрешиться от бремени, а затем подбросить новорожденного в подходящее, на их взгляд, место.

К десятым существенным изменениям относится законодательство о наследовании, включившее в круг наследников по закону внуков наследодателя со стороны дочери, которые в прошлом вообще не обладали правом наследования.

В результате одиннадцатого нововведения супруги получили право предусмотреть в письменной форме в ином документе, нежели брачный договор, способы управления и распоряжения имуществом, совместно нажитым в браке. Возникающие при этом разногласия подлежат решению судом, который, оценив доказательства, определяет размер вклада каждого из супругов в приобретение общего имущества. Прежний закон признавал в качестве документа, регулирующего отношения супругов в браке, лишь брачный договор, а женщина вообще не имела права распоряжаться имуществом, нажитым в браке.

Таковы наиболее значимые нововведения весьма детализированного объемного и подробного Семейного кодекса 2004 г., состоящего из семи книг, в целом одобренного большинством населения Марокко.

Ученые-исследователи оценивают кодекс 2004 г. как крупный социально-политический успех короля Мухаммеда VI, который с момента прихода к власти стремился к модернизации марокканских общественных отношений [3]. Эмансипация женщин рассматривалась как процесс, необходимый для формирования успешной оппозиции исламскому фундаментализму, как это имело место в Тунисе в результате реформ президента Хабиба Бургибы в 1957 г. [4] Король утверждал в августе 1999 г., что «не может процветать общество, в котором права женщин, составляющих ровно половину населения страны, нарушаются и ущемляются в результате несправедливости и насилия вопреки заповедям нашей великой религии» [2]. По мнению профессора Института стран Азии и Африки МГУ В.В. Орлова, реформаторские инициативы короля играли немаловажную роль в сложных взаимоотношениях между тронем, исламскими движениями и светскими партиями Марокко. Его последовательный либерализм в отношении положения женщины в обществе постоянно осложнял его контакт с традиционалистски настроенными лидерами исламистов. В то же время он содействовал сближению позиций между дворцом, светскими партиями Марокко, в том числе с женскими и другими общественными организациями [5, с. 27].

Реформа была проведена в рамках исламской системы ценностей, а значимость и необходимость вносимых изменений подкреплена ссылками на Коран и сунну, благодаря чему она вызвала одобрительный отклик в мусульманских странах. Одновременно

вследствие новаторских положений кодекса реформа получила положительную оценку в Европе. Отдельные специалисты расценили кодекс даже как «бархатную революцию марокканских женщин», активно выступавших в его поддержку [6].

По существу, содержание кодекса представляет собой попытку найти компромисс между традиционализмом и современностью. С одной стороны, он содержит правовые конструкции, основанные на нормах шариата, хотя и подвергшиеся реформированию, такие как возможность при определенных чрезвычайно сложных условиях вступить в полигамный брак, односторонний развод, хотя и через суд, для мужчин и пр. С другой стороны, сделан значительный шаг вперед в демократизации и модернизации марокканского общества. Принцип равноправия мужа и жены проходит красной нитью через многие положения кодекса и наполняет новым содержанием семейные отношения. Равный брачный возраст для юношей и девушек; отмена обязательности согласия опекуна предоставляет девушке, достигшей возраста 18 лет, право вступить в брак по своему личному выбору; возможность установления режима общности имущества супругов позволяет женщинам, не имеющим собственного источника доходов и занятым ведением домашнего хозяйства, обрести право на имущество семьи. Муж более не является главой семьи, и супруги совместно принимают важнейшие решения в семейной жизни. Значительно расширена вариативность оснований, дающих марокканке право требовать расторжения брака. В случае развода за ней сохраняется право на воспитание ребенка, при определенных обстоятельствах даже в случае ее повторного замужества.

Несколько улучшено положение детей, рожденных вне брака, теперь они фиксируются в реестре записи актов гражданского состояния, тогда как до принятия кодекса их никак не регистрировали. При соблюдении ряда условий кодекс позволяет даже признавать в качестве законнорожденного ребенка, рожденного после обручения, но еще до заключения брачного союза.

Однако не все нововведения были восприняты населением Марокко однозначно положительно. Основная часть женщин-горожанок и женские общественные организации и объединения, а также светские политические силы, поддерживающие развитие государства по демократическому пути, безоговорочно одобрили реформу. Ведь данное семейное законодательство может заложить основу для становления современного демократического общества в Марокко, не нарушая принципов шариата. Но беднейшие слои населения и исламские фундаменталисты восприняли новый закон крайне негативно, обвиняя власти в стремлении угодить Западу. И это можно объяснить тем, что законодательство о семье в исламских государствах является сферой чрезвычайно тонкой и деликатной, считающейся основой всего мусульманского общества, не знавшей изменений в течение веков. Даже в эпоху французской колонизации семейное законодательство Марокко находилось под юрисдикцией короля, базируясь на установлениях шариата.

Наиболее молодые и образованные граждане страны оказались более открыты и восприимчивы к переменам. Менее образованные – и в городской, и в сельской местности – до сих пор либо имеют о новом законодательстве весьма смутное представление, либо вовсе о нем не знают. Часть населения Марокко считает, что Мудавана противоречив и направлен против ислама; а того, чего нет в Коране, не должно быть в законах. По мнению некоторых не только марокканцев, но и марокканок, женщины никогда не будут равными мужчинам, поскольку так говорит Коран; и не потому, что Аллах предпочитает мужчин, а потому что женщины – другие, более терпеливые, застенчивые и эмоциональные, а мужчины более сильные и выносливые [7].

Вместе с тем социологи отмечают, что это не доминирующие взгляды в обществе [7]. Многие положения были позитивно оценены и одобрены народом Марокко. Всеобщую поддержку получило увеличение брачного возраста для юных марокканок с

15 до 18 лет. Лишь очень незначительное число респондентов заявляли, что мужчине гораздо легче иметь дело с пятнадцатилетней невестой, поскольку в 15 лет девушка более послушна, и мужу легче воспитать ее в соответствии со своими потребностями.

Позитивно было воспринято и право женщины отказать мужу привести в дом вторую жену. Предсказуемо женщины больше одобряли это нововведение, чем мужчины, но в целом и те, и другие активно высказывали свое положительное отношение. Ведь известны были случаи из недавнего прошлого, когда первая жена даже не подозревала о существовании второй, что впоследствии приводило ко многим серьезным проблемам, включая отношения инцеста между полукровными братьями и сестрами, которые не имели никакого представления о своем родстве.

Немало возражений вызвало положение о возможности заключать брак без родительского благословения. Противники нововведения были уверены, что это увеличит число разводов, поскольку, по их мнению, в 18 лет девушка, даже образованная, вряд ли знает, с кем следует создавать семью. Значительная часть населения скептически относится к возможности реализации данного законодательства на практике. Ведь согласно социодемографической статистике, грамотность взрослого населения Марокко составляет 71,7%, а среди молодого женского населения по данным за 2015 г. – 64,8% [8].

Поскольку грамотное население сосредоточено в городах, очень многие сельские жители, в особенности женщины, не обладают навыками чтения и письма и не могут быть в курсе изменений в законодательстве, поэтому положения Мудавана применяются отнюдь не во всех уголках страны. Одним из действенных средств и методов реализации Семейного кодекса является повышение уровня женского образования.

Вместе с тем эффективность законодательных мер соотносится прежде всего с уровнем общественного сознания, поведенческих стереотипов и социальной психологии, формирующихся в течение многих веков. Статистические данные свидетельствуют о двойственности марокканского общества в готовности воспринять реформы, идущие вразрез с традициями. Эта двойственность проявляется в том, что в то время как ряд новшеств оказался небезуспешным, далеко не все положения Кодекса реализуются даже официальными юристами [9].

Несомненным успехом стало введение положения о полигамии, которая теперь возможна лишь в совершенно исключительных случаях – к настоящему времени количество подобных браков сократилось более чем в 10 раз. Показательна статистика разводов: по инициативе жены их количество возросло лишь за один год (с 2006 по 2007), на 44%; женщины выступали инициаторами в 26 000 случаев, мужчины – в 14 000 случаев [1].

Пока крайне невысок процент марокканок, которые выходят замуж самостоятельно, без опекуна; буквально единичны случаи заключения договоров, устанавливающих режим общности имущества супругов; браки несовершеннолетних все еще составляют около 10% всех заключаемых семейных союзов.

В целом, реформа семейного права в Марокко действительно явилась небывалым прорывом для мусульманского государства, важным шагом к модернизации и демократизации общества, одним из ярких примеров того, как общество стремится сочетать свои традиции с реформами, связанными с установлением определенного уровня социальной справедливости и верховенства права. Это открыло перед марокканским обществом путь к решению следующей важнейшей чрезвычайно сложной проблемы – создание условий для реализации законодательных изменений на практике.

Мировая пресса писала, что Семейный кодекс 2004 г. превратил Марокко в одно из самых прогрессивных государств региона [10]. Он оказал влияние на демократическое реформирование семейно-брачных отношений в различных арабских странах – в Египте, Алжире и других государствах Ближнего и Среднего Востока [9].

Женское движение в Марокко

Принятию нового Семейного кодекса предшествовала многолетняя упорная борьба передовых марокканок за свои права. При непосредственном участии ряда женских организаций, объединений, ассоциаций и групп правящие круги заявили о готовности модернизировать положения старинных юридических норм.

В течение последних трех десятилетий на Ближнем Востоке и в Северной Африке наблюдался подъем женского движения на национальном и региональном уровне. Женские ассоциации, имевшие связи с международными правозащитными организациями, полагались на сотрудничество и коллективное взаимодействие, либо на социальные сети, альянсы или рабочие группы, стремившиеся, чтобы голос женщин был слышен в общественной жизни. Социально-политическая активность марокканок играла важную роль в реформировании закона о личном статусе, в борьбе против гендерного насилия, в ратификации CEDAW¹ и во многих других вопросах [11]. Женщины стали основной действующей силой в ряде правозащитных акций, в отдельных аспектах развития страны и в борьбе за гендерное равенство. В результате активности женского движения в начале XXI в. были реформированы Семейные кодексы Марокко и Алжира.

С доступом марокканок к образованию и их выходу на рынок труда женская интеллектуальная элита испытывала все большее разочарование и гнев, поскольку Семейный кодекс 1957 г. отрицал основные права женщин. Правозащитная деятельность всегда была приоритетом в борьбе марокканских женщин за свое достоинство и в домашней, и в общественной среде.

В настоящее время женское движение в Марокко и на Ближнем Востоке в целом, по мнению марокканских ученых-исследователей, изучающих гендерную проблематику, развивается по нарастающей, и гражданское общество постепенно становится «феминизированным» вследствие большего участия женщин в социально-политической и общественной жизни [12].

Марокканское женское движение восходит к 1946 г., когда ассоциация *Akhawat Al-Safaa* (Ахават ас-сафа или по-английски *Sisters of Purity* – сестры чистоты) издала манифест, где был сформулирован ряд юридических требований, в том числе отмена полигамии и более активное участие в общественной жизни. Этот документ стал изначальным выступлением марокканского женского движения. Некоторые из первых активисток, боровшихся за права женщин, писали статьи в основной орган партии «Истикляль» газету *Al-Alam* («Аль-Алям»). Их концепции в целом разделяли либерально настроенные мужчины, придерживавшиеся патриотических взглядов. Члены ассоциации *Akhawat Al-Safaa* происходили из этих кругов, принадлежали к высшим слоям города Фес и имели влиятельных родственников мужчин в партии «Истикляль».

Возможность для активисток женского движения быть услышанными в марокканском обществе осуществлялась благодаря либеральным взглядам ключевых политических действующих лиц, таких как выдающиеся национальные мыслители и политики Мухаммед Хассан Ваззани и Алляль аль-Фасси, короли Марокко, в частности, Мухаммед V и Хасан II, а также благодаря поддержке ряда светских политических партий. Так, в 1957 г. король Мухаммед V публично снял женское покрывало с головы своей старшей дочери и призвал к необходимости эмансипации женщин для того, чтобы развить и модернизировать общество. После этого символического жеста тысячи женщин в городах сняли покрывало, а религиозные проповедники в мечетях стали связы-

---

¹ *Convention on the Elimination of all Forms of Discrimination Against Women* – Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин принята резолюцией 34/180 Генеральной Ассамблеи ООН от 18 декабря 1979 года и вступила в силу в 1981 году.

вать его снятие и работу женщин за пределами дома с поступательным развитием нации и государства [13].

Многие политические партии, в том числе консервативные, включали «феминистские» лозунги в свою предвыборную риторику. Однако мужские представления и понятия о женском равноправии отличались от женских: в то время как последние имели цель улучшить положение марокканок в частной и общественной жизни, у мужчин была более абстрактная точка зрения, поскольку, прежде всего, они стремились найти средства от «отсталости» Марокко. Мужчины-феминисты доказывали, что в Марокко не может быть прогресса без обучения и профессиональной подготовки женской половины населения. Интерес к предоставлению образования женщинам, к которому призывали образованные марокканцы, государство и светские политические партии, мотивировался не заботой об освобождении женщин как индивидуумов, а потребностью в реализации крупных социальных или национальных проектов. В результате марокканцы из средних и высших слоев рассматривали предоставление образования дочерям как своего рода вопрос социального престижа, который повышал бы их личностный и социальный статус.

Аналогично, хотя государство и политические партии играли решающую роль при стимулировании и побуждении женщин искать регулярную оплачиваемую работу вне дома, эта агитация не была результатом четкой и активной политики интеграции женщин в рынок труда, а скорее работа женщин вне дома стала частью незапланированных последствий государственной политики, равно как и объективных потребностей процессов развития.

Хотя мужской феминизм не имел целью предоставить женщинам возможность стать полноправными членами общества, представительницы средних и высших слоев оказались в выигрыше по двум аспектам: они обрели образование и возможность работать, иными словами получили важные средства участия в общественной жизни. Именно в буржуазной среде, зародившейся после обретения независимости, появились первые женщины-фармацевты, доктора, юристы, преподаватели вузов, социологи, обществоведы и т.п. Общая концептуальная направленность этих женщин отличалась либерализмом, они с готовностью воспринимали передовые идеи и практики, не отвергая местных особенностей, включая ислам и его законы. Эти либеральные тенденции сопровождались некоторыми изменениями в одежде, как и в других социальных практиках, например, усваивались отдельные элементы французского стиля и образа жизни. Однако новые веяния не заменили полностью традиционные марокканские практики и жизненный уклад, в т.ч. и манеру одеваться [14].

В 1940-е годы стали зарождаться первые женские политические партии. Например, *Union Progressiste des Femmes Marocaines* (Прогрессивный союз марокканских женщин), окончательно оформившийся в 1962 г., и *Union Nationale des Femmes Marocaines* (Национальный союз марокканских женщин), создание которого завершилось в 1969 г. Это были скорее профессиональные, чем политические организации [15]. Аналогично, все больше женщин становилось политическими деятелями в оппозиционных партиях преимущественно левого направления, таких как *Parti du Progrès et du Socialisme* (Партия прогресса и социализма) либо *Parti de L'Union Socialiste des Forces Populaires* (Социалистический союз народных сил).

В 1980-е годы с появлением массовой системы образования все больше женщин становились известными журналистками и учеными. В журналах, таких например как *8 Mars* (созданном в 1983 г.), или *Kalima* (основанном в 1986 г.), рассматривались актуальные проблемы феминизма и женского движения; в них ставилась цель показать, что гендерные роли, сексуальность и даже разделение труда по гендерному признаку не были ни предопределены свыше божественным провидением, ни предначертаны природой, но имели исключительно историческое происхождение.

Параллельно с данными процессами больше выдающихся женщин-специалистов стало появляться в научных кругах. Имена марокканских женщин-литераторов стали известны за пределами страны. Фатима Мернисси² в своих произведениях доказывает, что неравноправие марокканок проистекает из-за политической и экономической системы, которая их не охватывает [16]. Романы другой писательницы Лейлы Абу-Зейд впервые в марокканской женской литературе были переведены на иностранные языки.

Наряду с успехами марокканок в публицистике и научных исследованиях начали появляться женские ассоциации, которые также называли неправительственными организациями (НПО). Первая женская ассоциация, возникшая после обретения независимости, была *L'Association Démocratique des Femmes Marocaines* (Демократическая ассоциация марокканских женщин). Вскоре после ее появления была создана другая массовая ассоциация борьбы за права женщин – *L'Union de L'Action Féminine* (Женский союз действия).

Вслед за созданием этих двух крупных ассоциаций появилось множество аналогичных, но гораздо меньших по численности женских организаций, формирований и групп, которые ставили перед собой цели противостоять насилию в отношении женщин, гендерной дискриминации в области юриспруденции и культуры, бороться с неграмотностью женщин и недостаточным их представительством в правительственных кругах и в секторе экономики.

Женские ассоциации дали марокканкам возможность формулировать и публично выражать свои требования, аккумулировать ресурсы и таким образом завоевывать авторитет в общественной жизни. Из марокканских женских ассоциаций вышли многие активные борцы за права женщин, которые впоследствии стали общественными деятельницами национального масштаба, учеными, министрами, членами правительства. Это одна из основателей Марокканской ассоциации прав человека, депутат парламента Марокко, журналист и писательница Латифа Джбабди, министр социального развития и семьи Нузха Скалли, активистка движения за женское равноправие, президент Марокканского Верховного совета аудиовизуальных коммуникаций, со-основатель и экс-президент Демократической ассоциации марокканских женщин Амина Лемрини и руководитель женской секции политической партии «Истикляль», член парламента Марокко Латифа Смирес-Беннани. Этим ассоциациям большую помощь оказывали международные организации, поскольку либеральные феминистки и сторонницы гендерного равноправия разных стран развернули кампанию в масштабах всего мира с требованиями прекратить дискриминацию по гендерному признаку и предоставить права женщинам [11].

Поскольку женские неправительственные организации и гражданское общество в целом постоянно поднимали социальные, экономические и политические вопросы, эти организации постепенно стали неотъемлемой частью марокканского политического ландшафта. Правительство и светские политические партии осознавали необходимость учитывать этих новых игроков на политической арене.

По мнению руководства женских организаций, основная задача, стоящая перед женскими НПО, – разработка самостоятельной независимой стратегии для оказания политического давления и выдвижения инициатив, чтобы побудить государство пересмотреть недемократичную политику в отношении женщин. Автономия и независимость НПО рассматривалась как базис для подлинного партнерства с государством и равноправного взаимодействия с иными политическими партиями. На тот период вре-

---

² Фатима Мернисси (1940–2015) – марокканская писательница, социолог, публицист, представительница исламского феминизма. Писала на арабском, английском и французском языках. Труды Мернисси переведены на многие языки мира. Ей присуждены Премия принца Астурийского (2003), Премия Эразма (2004).

мени Марокко было, вероятно, уникальным явлением в арабском мире, страной, где борьба, проводившаяся активистками женских НПО, начала оказывать реальное воздействие на политический курс государства в области гражданских прав и стратегии развития.

Влияние женского движения стало отчетливо проявляться после террористического акта в Касабланке в мае 2003 г. Активистки оперативно отреагировали на атаку террористов и одними из первых вышли на улицу с манифестациями протеста. Они умело воспользовались моментом для наступления на идеологию исламистов. Их убедительное публичное присутствие и участие в общественной жизни страны значительно увеличилось параллельно с уменьшением влияния исламистов после террористических атак.

В целом, развитие взаимоотношений между монархией, политическими партиями, парламентом и НПО, выступающими за гражданские права, с одной стороны, и женским движением, с другой, способствовало принятию нового Семейного кодекса.

Однако с принятием нового кодекса задачи женского движения в Марокко нельзя считать выполненными. Помимо проблемы применения на практике Семейный кодекс не отменил полностью четыре неблагоприятных для женщин положения: полигамию, отречение, развод за компенсацию *talaq al-khol* и очень болезненный вопрос о правах наследования, о котором в Семейном кодексе не упоминается. Эти традиционные положения не были отменены, т.к., с одной стороны, реформы в целом уже были довольно смелыми и, с другой стороны, полигамия разрешается (хотя и в форме, которая может быть оспорена) в Коране, а вопросы наследования четко сформулированы в Священной книге [13].

Данные обстоятельства создают новые проблемы для женского движения. Его активистки опасаются, что религиозность однажды проявится в другой измененной форме, а секуляризация все больше будет поставлена под угрозу в отдельных женских НПО. Некоторые феминистские организации поднимают вопрос о секуляризации, на основании того, что она не исключает принадлежность к какой-либо религии. Секуляризацию считают важной для продолжения функционирования женского движения. Марокканкам еще предстоит пройти чрезвычайно долгий путь, чтобы стать полноправными гражданами, добиться равенства, чтобы демократия возобладала и в общественной, и в частной сфере.

Борьба за реформирование Семейного кодекса

Консолидированная позиция марокканских феминистов объяснялась их глубоким разочарованием кодексом личного статуса, принятым в 1957 г. Такое разочарование отчасти было вызвано тем, что либеральные идеи и концепции Аллал аль-Фаси³ не нашли отражения в Мудавана, хотя его и приглашали участвовать в разработке этого документа. Семейный кодекс базировался на религиозных постулатах маликитской исламской правовой школы [17], тогда как другие разделы государственного законодательства основывались на светской юриспруденции, в частности, на Уголовном кодексе и положениях Конституции. Так, во многих марокканских законах, где, например, речь идет об интересах банковского дела или продаже алкоголя, опускаются религиозные догматы, несмотря на то, что в Коране имеются четкие высказывания по данным темам [18].

То обстоятельство, что Мудавана создавался лишь мужчинами и был основан на религиозных концепциях, предполагало сделать его «священным», неизменным и недоступным для общественного обсуждения. По положениям Мудавана, женщины объявлялись низшими существами с ограниченными правами. Это было расценено активистка-

---

³ Мухаммад Аллал Аль Фасси (10 января 1910 – 19 мая 1974), марокканский политик, один из основателей партии «Истикляль», писатель, поэт и исламский ученый.

ми женского движения как предательство и препятствие участию женщин в общественной жизни.

Упомянутая выше Фатима Мернисси осуждала антидемократические действия бывших национальных лидеров борьбы за независимость, которые в период антиколониального движения страдали под пытками французских колонизаторов для того, чтобы добиться демократии и равенства, но впоследствии обращались с половиной населения своей страны несправедливо, приняв кодекс личного статуса, который жестко ограничивал права женщин. Мернисси подчеркивала несовместимость консервативной природы кодекса и стремление к либерализации и развитию экономической системы. В то время как марокканская Конституция предоставила женщинам равные политические права с мужчинами, Кодекс личного статуса предписывал им быть прежде всего домохозяйками с чрезвычайно ограниченным волеизъявлением. По мнению Мернисси, в Марокко после обретения независимости мужское превосходство и подчиненное положение женщин традиционно рассматривались как специфика исторического и социокультурного наследия и социально-политическая закономерность.

Начиная с 1980-х годов марокканское женское движение вынуждено было бороться с ожесточенным мощным противником в лице исламизма. Выступая против Запада, исламисты отвергали модернизацию в принципе, и это создавало, по мысли марокканских ученых, смешение понятий Запада и модернизации. Вместо того, чтобы критиковать Запад во имя модернизации исламизм отвергает модернизацию и противопоставляет «себя» и «другого» в антиисторическом контексте, рассматривая женщин как более слабый и поэтому более уязвимый пол, на который скорее можно оказать воздействие.

Либеральные феминистки быстро осознали, что пропаганда исламистов направлена прежде всего на женщин, в особенности из бедных слоев общества. Их призывали в первую очередь закрывать лицо, а среди мужчин проводились беседы о пользе для них патриархальных традиций и взаимоотношений. Молодых, в особенности безработных мужчин, легко было привести к мысли, что женщины, работающие вне дома, отбирают потенциальный источник заработка. Они также понимали, что попытки заставить политизированных женщин бороться за свои права на религиозной платформе – это была попытка исламистов захватить дискурс, проблематику, общественную платформу и внимание аудитории широких масс общества и присвоить плоды многолетних усилий активисток женского движения [14].

Главными направлениями борьбы женщин стали постепенное уменьшение «религиозной» роли женского покрывала или вуали, постепенное включение проблемы насилия над детьми в перечень вопросов, которыми занимается женское движение, и подчеркивание значения ислама как прежде всего социокультурной и духовной, а не политической практики. Активистки также пытались обратить внимание женской молодежи, зачастую носящей вуаль, на реальные проблемы женской половины населения, основной из которых они считали отсутствие юридической защиты в законодательной системе. Они эффективно использовали СМИ при описании незащищенности и бесправия женщин и детей, в частности, при разводе, тем самым обращая внимание на самые острые социальные темы, на которых спекулировали и которые эксплуатировали исламисты. Поступая таким образом, представительницы женского движения концентрировали свои усилия на пропаганде необходимости реформирования Семейного кодекса.

В целом, активистки женского движения 1980-х годов стремились заявить о себе и утвердить свою самобытность и наличие собственного исторического пути развития, несмотря на постоянное присутствие в стране мощного исламистского движения. Они пытались добиться этого посредством публикаций в средствах массовой информации, соответствующей ассоциативной работы и научных антропологических, социологических, исторических и политических исследований, а также посредством художествен-

ной литературы. Женщины осознавали, что, если они отвергнут постулаты ислама, то столкнутся как бы с двойными санкциями: им не удастся установить контакт с подавляющим большинством марокканок, которые в массе своей бедны, неграмотны и глубоко религиозны, а за пределами страны они бы подверглись обвинениям в том, что не являются представителями собственной аутентичной культуры.

Эти тенденции в феминистском движении еще ярче проявились в 1990-е годы в журналистике, работах ученых и по другим соответствующим направлениям. В конце 1990-х годов марокканский либеральный феминизм был поднят на академический уровень, когда были созданы научно-исследовательские центры по проблемам женщин, а также программы изучения гендерной проблематики в университетах Рабата, Феса и Мекнеса. Как правило эти программы включались в учебные планы государственных или общественных университетов, а не частных вузов, как это было на Ближнем Востоке.

С конца 1990-х годов женские ассоциации, которые до этого концентрировались в крупных городах – Рабате, Касабланке и Фесе, стали появляться в небольших населенных пунктах по всей стране, чтобы решать как общие, так и конкретные проблемы женщин, свойственные для этих регионов. В 1992 г. *L'Union de L'Action Féminine* начал мощную агитационную кампанию по установлению равенства между мужчинами и женщинами в Международный женский день 8 марта. Эта организация направила письмо в парламент с призывом изменений Мудавана и собрала миллион подписей в поддержку своих требований. Данные требования были встречены в штыки исламистами. В результате король Хасан II своей властью приказал создать комиссию улемов, религиозных богословов, и юристов для ознакомления и изучения предложенных изменений и выработки рекомендаций.

Среди членов этой комиссии не было ни одной женщины. Однако 1 мая 1993 г. король объявил об изменении ряда статей, в том числе ограничивался контроль опекуна во время брачного процесса, поскольку женщина должна была изъявить свое согласие на подписание брачного контракта; марокканкам старше 21 года, у которых не было отца, разрешалось вступать в брак без опекуна; перед тем как жениться во второй раз муж должен был сообщить об этом первой жене; женщина получала право включить в брачный контракт пункт, что в случае намерения мужа привести в дом вторую жену, он давал бы ей развод, но окончательный вердикт на расторжение брака в данном случае оставался на усмотрение судьи; заявление мужчины о разводе должно было быть направлено к двум нотариусам, и жена должна предстать перед судом (прежде развод мог состояться без ее присутствия). Мать обретала право юридически представлять интересы своих детей, если их отец умер (но мать все еще не могла распоряжаться собственностью детей), в случае развода опекунство над детьми в первую очередь предоставлялось матери, а отцу – во вторую. И наконец, планировалось создание своеобразных семейных консультаций в помощь судьям при решении семейных проблем и наследственных споров.

В 1993 г. реформы стали разочарованием для женских ассоциаций, главным образом из-за вопроса об опекунстве над детьми. Опекунство предоставлялось матери, а затем отцу, но в случае ее повторного замужества опекунство возвращалось отцу вместо бабушки по материнской линии, о чем ратовали феминистки.

Несмотря на свое разочарование, активистки женского движения полагали, что изменения 1993 г. стали немаловажными завоеваниями, поскольку они впервые в истории Марокко сделали дебаты на тему Мудавана публичными, и это свидетельствовало, что марокканское женское движение значительно продвинулось вперед. Действительно, основным успехом женского движения стала его способность ввести почти «священный» религиозный документ в эпицентр общественных дебатов: Мудавана не только иссле-

довали, но критиковали и даже вносили изменения. Это означало, что женская проблематика в конце концов стала открыта и доступна для общественного обсуждения и дискуссий. Несмотря на свою ограниченность, реформы 1993 г. проложили путь к изменениям впервые за много столетий.

По этому поводу лидер исламистской Партии справедливости и развития (ПСР) – Абд аль-Илях бен Киран заявил в парламенте: «Таким образом, может быть, мы слишком уступили вестернизированной элите, которая ориентируется на Запад и привязана к большим деньгам» [18].

Несмотря на противодействие исламистов, женщины продолжали компанию дальнейшего реформирования Мудавана и повышения своего общественного и политического статуса. Под их нажимом в 1999 г. правительство было вынуждено утвердить беспрецедентный национальный план действий, в соответствии с которым марокканки были интегрированы в развитие национальной экономики. На повестку дня был поставлен вопрос о защите женщин от насилия и о повышении уровня их грамотности.

12 марта 2000 г. манифестация сторонников этого плана в Рабате собрала сотни тысяч сочувствующих. В противовес им исламисты организовали в тот же день марш протеста в Касабланке с таким же количеством участников, клеймивших, по их заявлениям, проекты заблуждающихся, поддавшихся западному влиянию. План действий, который был озвучен бывшим министром по делам семьи М.С. Саади, не претендовал на гендерное равноправие, в нем лишь заявлялось о базовых правах женщин, что было направлено против их дискриминации, плохого обращения, нарушения их основных прав. Однако противники этого плана рассматривали данные нововведения как диверсию против исламских моральных ценностей.

Опираясь на международное законодательство, конвенции, декларации и поддержку международного женского движения, либеральные феминистки все больше концентрировали внимание на концепции «Макасид аш-шари‘а» («Цели шариата»), а не на самом шариате. Отметив, что государство не приветствует проявления исламизма в Марокко, феминистское движение стало объединяться с государственной властью, тем самым еще более усиливая политическое значение гендерных вопросов. Данный процесс был значительно поднят на новый уровень с момента вступления на престол молодого короля Мухаммеда VI в июле 1999 г.

Мухаммед VI, который сделал женский вопрос одним из своих приоритетов, планировал решить эту проблему, предварительно повысив свой статус и объявив себя верховным религиозным авторитетом страны. Затем была создана комиссия советников, состоящая из религиозных деятелей, ученых и представителей женского движения для выработки предложений по усовершенствованию реформы, опирающейся на принципы ислама.

Впервые в истории страны королем были сделаны следующие назначения женщин на высокие государственные и административные должности: в марте 2000 г. – на должность королевского советника, в августе 2000 г. – на должность руководителя Национального офиса исследований и добычи нефти, в сентябре 2000 г. – на министерский пост и в октябре 2000 г. – на пост главой Национального офиса туризма. В дальнейшем также последовали аналогичные назначения на ответственные политические и религиозные посты.

В дополнение к решимости короля усилить позиции женщин в общественной сфере партия Социалистический союз народных сил, руководимая Абд ар-Рахман Юсуфи, выступила в мае 2002 г. с обоснованием большей демократизации парламента, выдвинув предложение, поддержанное королем, предоставить 30 мест для кандидаток-женщин на национальных выборах в сентябре 2002 г. Эти инициативы на высоком политическом уровне активизировали марокканское женское движение и подтвердили его признание как немаловажного участника общественно-политической жизни.

В области внутренней политики консервативные силы в Марокко были вынуждены перейти на оборонительные позиции после взрывов, устроенных радикальными исламистами-смертниками в Касабланке. Депутат парламента от партии Социалистический союз народных сил Мухаммед бен Яхья заявил, что теперь оппоненты реформ не смогут утверждать, что они направлены против ислама – новый Мудавана аналогичен по большинству вопросов прежнему.

Между тем, исламистские лидеры стали утверждать, что реформы были в соответствии с их идеями. В официальном заявлении исламистская ПСР объявила, что новый план «составляет значительное достижение для всего марокканского народа» [19]. Лидеры ПСР заявляли, что королевская реформа непосредственным образом соотносится с исламом в отличие от реформ, предлагавшихся ранее и имевших социалистические корни. «Иджтихад (интерпретация исламского права) не имеет границ. Мы лишь хотим избежать противоречий с исламским законодательством», – утверждал член Национального совета ПСР А. Баладжи.

Однако аналитики утверждают, что лидеры ПСР признали религиозное верховенство короля, одновременно умерив свою пропаганду после терактов в Касабланке, поскольку многие марокканцы обвиняли ПСР в инспирировании забастовок против процессов либерализации и демократизации. Террористы принадлежали к салафитскому джихаду, подпольному нелегальному радикальному исламистскому движению, созданному бывшими афганскими боевиками в 1990-е годы и связанному с Аль-Каидой [20].

С момента ратификации парламентом 16 января 2004 г. новый Мудавана широко обсуждался в обществе на повышенных эмоциональных тонах. Так, на многолюдной торговой улице в Рабате, по сведениям журналистов, мужчина громко причитал: «Теперь в моем доме мной будет командовать женщина. Что же мне теперь остается делать в этой стране?» В то время как другой молодой человек говорил: «По мне, очень хорошо, что отец или брат все еще имеют возможность направлять поведение женщины. Некоторые женщины склонны вести себя весьма недостойно» [18]. Вышеизложенные общественные мнения свидетельствуют, что даже если политическим деятелям удалось временно объединиться для принятия закона, изменение ментальности и стереотипов поведения займет гораздо более длительный период времени.

Об отношении к новому Семейному кодексу

Налицо два основных отношения к реформам законодательства о личном статусе. Женские ассоциации и демократические силы общества поддерживали реформы, в то время как мусульманские фундаменталисты и бедные слои общества были настроены против, либо глубоко сомневались.

Многочисленные исламисты обвиняли короля в уступках, сделанных, по их мнению, под давлением Европы и США. «Эти реформы были разработаны в соответствии с пожеланиями иностранцев и феминисток, а не для того чтобы как-либо реально изменить жизнь женщин», – заявила пресс-секретарь широко известного в стране массового, но нелегального исламистского движения «Правосудие и милосердие» Надия Ясин [18]. Марокканские традиционалисты высказывали убеждение, что без полигамии некоторым мужчинам будет трудно оставаться с постаревшей или больной женой. Критики с другой стороны отмечали, что поскольку в сельских районах неграмотность женщин превышает 65%, многие из них никогда не узнают о своих новых правах.

Ученые-исследователи отмечали, что в арабском мире к началу XXI века лишь женщины Туниса пользовались равными или более полными правами, чем марокканки [21]. Проект Семейного кодекса, единогласно одобренный парламентской палатой

представителей – это ответ на один из основных вызовов современности, стоящих перед Марокко, как заявил бывший министр юстиции Мухаммед Бузубаа, который характеризовал проект кодекса как «решающую стадию эволюции Марокко в достижении современного уровня конституционных, демократических, социальных и гражданских прав» [18]. Некоторые члены парламента характеризовали как «историческое» и «революционное» единогласное голосование по данному кодексу, от которого ожидалось, что он «сыграет основную роль в создании в стране верховенства права» [18].

«Марокко может стать моделью для мусульманских стран в области женских прав», – заявила профессор юриспруденции Ф. Белькади, первая женщина, назначенная в Марокканский совет по правам человека. В интервью французскому журналу *Le Figaro Madame* она отмечала: «С начала своего правления король Мухаммед VI высказывался в поддержку прав женщин и инициировал компанию важнейших реформ. Безусловно, это требовало незаурядного мужества – иметь дело с такой острой проблемой в мусульманской стране, где не только большинство мужчин, но и женщин полностью устраивают постановления шариата» [22]. По словам профессора, реформирование основывалось одновременно на положениях Всемирной декларации прав человека и на постулатах ислама. «Эта реформа является частью эволюции нашей страны, но это также и социальная революция», – утверждала она [18].

Несколько женских ассоциаций и женщин-парламентариев высказались в поддержку реформ нового семейного законодательства, характеризуя внесение коррективов как «инициативу, которая будет способствовать построению современного демократического общества» [18]. Они утверждали, что реформы отражают решимость короля улучшить положение женщин, уважая в то же время принципы ислама.

Со своей стороны ряд женских ассоциаций назвали реформы «победой» в условиях Марокко и свидетельством незаурядной политической воли пресекать несправедливость в отношении марокканок. В своем послании королю ассоциации подчеркивали, что новая инициатива, предоставляющая больше прав и для мужчин, и для женщин, безусловно, будет иметь позитивное влияние на семейные взаимоотношения.

Национальный координационный комитет женских организаций заявил, что реформы отвечают чаяниям граждан Марокко и обогащают концепции социальной справедливости, равноправия и равенства в соответствии с учением ислама и международными конвенциями. Комитет также приветствовал решение монарха лично представить предложения по изменению Семейного кодекса парламенту.

Ассоциации марокканок характеризовали проекты реформ, предложенные королем Мухаммедом VI как «глубокие реформы, которые отвечают законным чаяниям марокканских женщин и потребностям социальной эволюции и демократического общественного устройства, находясь в то же время в полной гармонии с шариатом» [18].

Национальный координационный комитет женщин, членов политических партий в своем заявлении высоко оценил реформы как «значительный шаг вперед в процессе предоставления прав женщинам и реализации демократического и современного социального проекта» [19]. Национальный комитет также предполагал, что реформы будут способствовать устранению несправедливости и дискриминации, которым подвергаются женщины, и обеспечат им достоинство и основные права. Реформы также рассматривались как важный фактор обеспечения взаимной поддержки, солидарности и стабильности семей. По мнению членов Национального комитета, в то время как эти реформы подтверждали и исламские священные ценности, и универсальные международные принципы прав человека, они также способствовали созданию позитивного представления о мусульманской религии, которая всегда наделяла человека благородством и устанавливала равенство. Комитет заявлял, что стремится содействовать осведомленности марокканского общества о важности положений нового законодательства и об

«эффективных и справедливых» решениях, способных помочь ликвидировать проблемы, с которыми сталкиваются марокканские семьи.

По мнению профессора географии и правозащитницы А. Ламрини, новое марокканское законодательство, предоставляющее права женщинам, – это награда за более чем двадцатилетнюю упорную борьбу. Одна из создателей Демократической ассоциации марокканских женщин в 1985 г., Ламрини посвятила большую часть жизни борьбе против дискриминации женщин. Она говорит: «Эта реформа... вернула мне мое женское достоинство. Это сравнимо с чувствами раба, который освободил себя сам» [18].

Видная деятель женского движения, правозащитница и экс-министр марокканского правительства Л. Рхиви, заявляет: «В течение последних 20 лет борьбы марокканок за реформирование Кодекса нам в лицо всегда бросали, что это священное писание и оно не может быть изменено. А уголовный кодекс, между тем, секуляризирован. И мы не отрубам руки вора» [23]. Единственным законодательством, которое еще основано на религиозных догматах, является Кодекс личного статуса, регулирующий взаимоотношения в семейном коллективе. Король Марокко предпочел сохранить отделение Мудавана от светского законодательства. Отчасти это была реакция на давление исламистов, требовавших вообще «полного восстановления законов ислама» в торговле, правосудии и в других сферах для того, чтобы вся жизнь общества регулировалась бы аналогичными исламскими установлениями.

В борьбе за равенство с мужчинами в семейной и общественной жизни марокканки бросали вызов одному из наиболее прочно укоренившихся традиционных и религиозных догматов и представлений в их культуре [14]. Конституция Марокко и светские законы предоставили женщинам полное равенство. На практике в течение многих столетий доминировал Мудавана – семейное право, основанное на религиозных законах. «Сам акт реформирования является революционным, – отмечал политический аналитик Мухаммед Този, – но он реализуется, лишь если он будет сочетаться с программой всеобщего образования для девочек. Не следует предполагать, что он изменит общество. Перемены будут происходить вместе с социальной эволюцией» [18].

Сложности применения на практике

В настоящее время после ряда лет применения нового семейного законодательства можно отметить, что положение женщин претерпело значительные изменения во всех областях. Тем не менее, существуют препятствия, мешающие их всестороннему участию в активной жизни и дальнейшей их эмансипации. Неграмотность, бедность, невежество, необразованность, недостаточная техническая и профессиональная подготовка, затрудненный доступ к кредитованию, низкое представительство в политических сферах превратились в почти непреодолимые преграды для интеграции женщин в процессы развития. Более низкий юридический статус женщин, а также их слабые организационные возможности препятствовали попыткам повысить их социально-экономический статус.

Применение на практике современного семейного законодательства в различных регионах проходило по-разному, но в целом сталкивалось с большими трудностями из-за множества факторов. Первое – о законодательстве еще очень мало знают в среде сельских, да и городских тружеников, среди бедных слоев населения. Второе – многие судьи-мужчины препятствуют применению закона. С другой стороны, даже если семейное законодательство гарантирует права женщин, влияние патриархальности, традиционализма, неграмотности и невежества может помешать женщинам воспользоваться своими правами или сообщить о преступлениях, совершенных против них, таких как побои, сексуальная эксплуатация, жестокое обращение с детьми или бытовое насилие.

По мнению многих феминисток, новое семейное законодательство может должным образом применяться лишь в демократических условиях.

Исследование одной из местных женских ассоциаций *Leadership Féminin* выявило, что 87% женщин в шести сельских районах Марокко ничего не знали о новом Семейном кодексе. Кроме того, в новом кодексе речь идет о замужних женщинах. Он не охватывает одиноких женщин и иностранок, вышедших замуж за марокканцев.

Несмотря на реформы, продолжается практика женитьбы на несовершеннолетних. Официальная статистика свидетельствует, что, например, в 2007 г. было зарегистрировано 29 847 случаев бракосочетания с малолетними, что является увеличением данной статистики на 12,55% по сравнению с предыдущим 2006 г. [24]

Согласно официальным сведениям, в 2008 г. 67% бракоразводных процессов были инициированы женщинами, т.е. зафиксировано увеличение на 19% по сравнению с 2005 г. Основными причинами этой новой тенденции стали домашнее насилие, тяжелое экономическое положение и безработица. Статистика свидетельствует о тревожной ситуации в плане социальных последствий насилия над женщинами. Этот вид насилия, который широко распространен, усугубляется отсутствием организаций и социальных структур поддержки женщин. Обращение с женщинами во время административных процессов и заседаний остается также глубоко дискриминационным, и это несмотря на увеличение официальных заявлений и поток речей о решимости бороться против гендерного насилия [25].

Ряд факторов свидетельствует об уязвимости, ненадежности и хрупкости женского статуса – это неграмотность, отсутствие оплачиваемой работы, нескончаемые домашние обязанности, более низкие заработки по сравнению с мужчинами, высокая безработица среди женщин [26]. С другой стороны, борьба за интеграцию женщин в процессы развития еще очень далека от завершения. Много усилий было предпринято в поединках против всех форм дискриминации, но конкретизация женских юридических прав представляется еще длительным по времени процессом. До тех пор, пока гендерное равенство не будет достигнуто, женщины будут подвергаться дискриминации в обществе.

Неприменение на практике принятых законов, неверное толкование семейного законодательства и коррупция господствуют в стране. Когда Семейный кодекс был провозглашен, женщины, узнавая об этом событии, повсеместно были счастливы. Но постепенно оптимизм первых дней стал сокращаться. С 2004 г. министерство юстиции публиковало данные, демонстрируя успехи применения нового семейного законодательства. К сожалению, эти цифры не соответствуют действительности. «После трех лет применения проблемы остаются и усугубляются. Оценка в основном негативная; почти на 100%; достигнутый прогресс не должен быть дезавуирован, но он остается отнюдь не достаточным», – как объясняла известный в Касабланке юрист Х. Ругани. Эти негативные замечания также подтвердил судья, который предпочел остаться анонимным: «Фактически нам нечем гордиться. Кодекс далеко не адекватно применяется. А те, кто много лет посвятил борьбе за изменение положения женщин, либо маргинализируются, либо предпочли оставить свои позиции» [18].

Среди проблем, встречающихся на местах, эксперты сетуют на отсутствие инфраструктуры и средств в различных регионах страны, чтобы правильно проводить в жизнь положения закона. В действительности в судах дела были поставлены на поток, рассматривались слишком быстро, иногда без должной тщательности, с целью провести как можно больше дел без всякой задержки и служителям Фемиды было неважно, что положения нового закона не применялись. Кроме того, у многих магистратов не было обучения по повышению квалификаций и разъяснению сути нового семейного законодательства. В результате интерпретация положений нового закона часто была неправильной или негативной. «У нас недостаточно судей, специализирующихся на се-

мейном законодательстве, их обучение и переподготовка являются слабыми и в добавление ко всему судей постоянно переводят с места на место», – заявила адвокат Х. Ругани. Вплоть до настоящего времени чрезвычайно малочисленным является штат нотариусов, занимающихся семейными и наследственными вопросами.

Коррупция – настоящая эпидемия, поражающая суды, также является одной из причин тупикового положения. Многие решения судов несправедливы, дискриминационны и противоречат духу кодекса. «Рассмотрим пример выплаты алиментов на детей. Некоторые мужчины, которые, однако, имеют очень хорошие зарплаты, обязаны выплачивать только 400 дирхамов в месяц, иногда даже 300 дирхамов⁴. Представляется совершенно недопустимым, что судьи не учитывают стоимость школьного обучения, медицинской помощи и того уровня жизни, в котором ребенок жил до развода. Но говоря об этом, не следует осуждать лишь суды, т.к. у них не всегда есть средства и возможности контролировать и проверять достоверность документов, предоставленных мужем» – подчеркивает Х. Ругани. Согласно Семейному кодексу, те, кто теоретически должны обеспечивать его применение на практике на местах, по существу – это социальные работники. К сожалению, суды по семейным проблемам испытывают недостаток квалифицированных кадров. В результате все оставлено на усмотрение судьи, который наделен широкими полномочиями оценки и интерпретации семейного кодекса, чьим положениям он не всегда точно следует. Это также происходит из-за сопротивления на уровне судов и основной массы населения из-за традиционно консервативного менталитета», – утверждает Х. Ругани.

Неприменение семейного законодательства может быть объяснено несколько туманным и нечетким текстом документа и отсутствием уточняющих деталей в отдельных его положениях. «В случае выдворения жены из супружеского дома в законодательстве существует пробел; нет упоминания, в каких случаях муж должен принять жену обратно, и кроме того, она никак не защищена. Таким образом, остро стоит вопрос о необходимости решения еще многих проблем. Аналогично, и для содержания детей, как в 2004 г. объявил Фонд социальной помощи, минимальная сумма, которой сейчас просто не существует, должна быть зафиксирована,» – отмечала адвокат Х. Ругани [18].

Разъяснительные кампании по внедрению кодекса в судопроизводство и применению его на практике даже если и проводятся, остаются малоэффективными. Оценочные данные министерства юстиции о применении семейного законодательства, которые публикуются каждые пять лет, не отражают действительное положение на местах.

Что касается гражданского общества, после принятия семейного законодательства женские ассоциации организовывали немало конференций и кампаний по просвещению и ознакомлению общественности. Так, в марте 2007 г. Демократическая ассоциация марокканских женщин (*ADFM*) проводила в течение одного месяца широкую кампанию общественного просвещения с помощью телевизионных каналов и радиопередач. Демократическая лига прав женщин (*LDDF*) организовывала множество мероприятий для просвещения общественности. Другие ознакомительные кампании были проведены в некоторых школах и колледжах по всей стране и в штаб-квартирах *LDDF*. Обе организации (*ADFM* и *LDDF*) публиковали сообщения, где анализировались годы применения нового законодательства. Однако несмотря на все усилия, на местах ситуация оставалась прежней. По мнению активисток женского движения, реальный более эффективный план действий должен быть сформулирован для того, чтобы улучшить положение в судах по семейным делам и обеспечить адекватное применение Мудавана посредством специальной подготовки судей, привлечения социальных работников и психологов, для того чтобы дать возможность судьям уделять индивидуально больше времени на разбор и рассмотрение конкретных дел.

⁴ 1 марокканский дирхам равняется 0.11 доллар США.

Активистки женского движения полагают, что марокканское семейное законодательство всегда находится под угрозой и недостаточно применяется в повседневной практике. Они чрезвычайно обеспокоены, что монарх при особых обстоятельствах из опасения политической дестабилизации может внести изменения под давлением исламистов, пользующихся влиянием, прежде всего, среди городской бедноты и сельских тружеников, которых устраивают положения шариата.

Роль гражданского общества, светских политических партий, женских ассоциаций и демократических сил представляет огромную важность для консолидации демократии и верховенства права, к которым ведет долгий путь в Северной Африке и на Ближнем Востоке из-за наличия традиционных недемократических практик, консервативного менталитета и коррупции [27]. Исследование, проведенное в масштабах страны французским периодическим изданием *Le Monde*, показало, что почти 50% марокканцев не одобряют Мудавана и лишь 16% населения считает, что женщинам следует предоставить больше прав [28].

Традиционный менталитет имеет негативные последствия для условий применения нового семейного законодательства. Женские НПО полностью признавали, что Мудавана столкнется с серьезными трудностями в условиях своего применения на практике. В результате, несмотря на агитационную кампанию, проведенную правительством, активистками женского движения и представителями гражданского общества, новые положения семейного законодательства либо игнорируются, либо неправильно интерпретируются и неверно истолковываются в судах, и старинные традиционные практики все еще господствуют в народных массах.

* * *

Придерживаясь универсальных общемировых ценностей и используя местные подходы для данного момента прагматические стратегии, женскому движению в целом удавалось привлечь основные политические силы и правоведов к созданию нового семейного законодательства, что является, безусловно, наиболее важным достижением марокканского женского движения. Реформаторам кодекса удалось демистифицировать неприкосновенность и «святость шариата», был внесен значительный вклад в демократизацию общественной жизни и распространение концепции прав человека на местах по всей стране.

Впервые в истории Марокко правоведы осмелились изменить текст, пересмотр которого прежде представлялся невозможным, поскольку был частично основан на шариате – старинном мусульманском законодательстве, базирующемся на положениях Корана. Другим осложняющим обстоятельством была колониальная история Марокко. После семи веков исламского законодательства страна попала под французское управление и французскую светскую юриспруденцию. Только Мудавана или Семейный кодекс был оставлен в юрисдикции короля, верховного духовного лидера Марокко, и исходил из установлений шариата. С момента обретения независимости в 1956 г. прогрессивные силы и женские ассоциации ратовали за то, чтобы Мудавана, подобно другим законам, также перешел в сферу светского законодательства. Новое реформирование Мудавана представляется значительным достижением на многотрудном пути к секуляризации Кодекса личного статуса [29].

В долгосрочной перспективе общественное обсуждение прежде частных семейных проблем будет стимулировать процессы демократизации, придаст уверенности и сил марокканскому обществу противостоять сложной дилемме о роли религии во все более секуляризованном обществе, где женщины постепенно становятся заметными действующими лицами; но это уже следующий серьезный вызов, стоящий перед марокканским женским движением.

В настоящее время основной задачей, которую ставит перед собой женское движение, является поиск эффективных путей применения нового семейного законодательства посредством его пропаганды, мотивации, убеждения и активизирования женщин, мужчин и семей в целом воспринять важные изменения, которым подвергся Кодекс личного статуса, и побуждать судей применять новый закон без каких-либо оговорок.

После ряда лет правоприменения нового Семейного кодекса можно отметить, что положение марокканок, особенно в городах, значительно улучшилось во всех сферах жизни. Однако существует немало реальных препятствий, мешающих адекватному использованию кодекса, полной интеграции женщин в общественную жизнь и прогрессу их эмансипации. Наиболее серьезную угрозу участию женщин в активной жизни представляет неграмотность, нищета и невежество. В области просвещения и образования еще предстоит приложить немало усилий, в особенности в вопросе о посещаемости школы девочками, что позволит довести до сведения женщин их юридические и гражданские права.

Марокканские ученые-исследователи отвергают вывод новейшей западной литературы о роли гражданского общества, который предполагает, что активная общественная жизнь в традиционных обществах могла бы привести к их демократизации [30]. Недавние исследования североафриканских специалистов показали на основе теоретических и эмпирических данных, что ныне НПО выполняют политическую функцию по укреплению существующих авторитарных практик. Несмотря на рост общественной жизни в Марокко, Мудавана усиливает центральную роль семьи в том плане, что семейная структура сейчас более защищена, чем когда-либо прежде. Также Мудавана косвенно укрепляет власть и легитимность монарха. Учитывая уроки последних десятилетий, вместо того, чтобы включить требования женщин в борьбу за реформы для достижения большей свободы и демократии, женское движение объединилось с королем против усиления исламистских притязаний и полагается на его авторитет, чтобы избежать любой конфронтации с политическими партиями, которые не имеют в своей повестке дня борьбу за права женщин. Формально семейное законодательство защищает права марокканок и гарантирует им равенство с мужчинами, но способ, каким реформы претворяются в жизнь, чрезвычайно сложно реализуемый. Это обстоятельство, однако, не уменьшает позитивного политического и психологического воздействия реформ на процессы эмансипации, которые обусловлены социально-экономическими потребностями развития страны и неизбежно возникающей в этой связи необходимостью участия женской половины населения в производительном труде.

Источники

1. Подробнее см.: Борминская Д.С. Новые тенденции в развитии мусульманского семейного права на примере Семейного кодекса королевства Марокко 2004 г. *Семейное и жилищное право*. 2009, № 3, с. 3–14.
2. Бунятова Ф.Д. Мудавана или кодекс личного статуса в Марокко. *Нотариальный вестник*. 2015, № 12.
3. Murg B. La Moudawana: les dessous d'une réforme sans precedent. *Les Cahiers de l'Orient*. 2011, т. 2, № 102, с. 15–29; Harrak F. *The History and Significance of the New Moroccan Family Code*. Institute for the Study of Islamic Thought in Africa (ISITA). Working Paper № 09-002. March 2009; Mellakh K. De la Moudawana au Nouveau Code de la famille au Maroc: une réforme à l'épreuve des connaissances et perceptions "ordinaires" *L'Année du Maghreb 2005–2006*. Париж.: CNRS Éditions, 2007, с. 35–54; Rude-Antoine E. Le mariage et le divorce dans le Code marocain de la famille. Le nouveau droit à l'égalité entre l'homme et la femme *Droit et culture. Revue internationale interdisciplinaire*. 2010, т. 59, № 1, с. 43–57.
4. Benstead L.J. *Tunisia: Changing Patterns of Women's Representation*. The Palgrave Handbook of Women's Political Rights. Gender and Politics (ed. S. Franceschet, M. Krook, N. Tan).

London. Palgrave Macmillan. 2018; Khalil A. *Tunisia's Women: Partners in Revolution* Journal of North African Studies. 2014, т. 19, № 2, с. 186–199.

5. Орлов В.В. Реформы семейного кодекса в современном Марокко: позиции королевского двора, исламистских кругов и светских партий. Ломоносовские чтения. Апрель 2009 г. *Востоковедение*. М., Изд. Ключ-С, 2009, с. 27.

6. Ouali N. Les réformes au Maroc: enjeux et stratégies du mouvement des femmes *Nouvelles Questions Féministes*. 2008, т. 27, № 3, с. 28–41; Lerari H. Femmes du Maroc entre hier et aujourd'hui: quels changements. *Recherches internationales*. 2006, т. 77, № 3, с. 65–80. www.recherches-internationales.fr/R177/R177 (дата обращения - 04.07.2019); Eddouada S., Pepicelli R. Maroc: vers un "féminisme islamique d'État" *Critique internationale*. 2010, т. 1, № 46, с. 87–100.

7. Katulis B. *Women's Freedom in Focus: Morocco*. Wash.: Freedom House. 2004, с. 25.

8. <https://knoema.ru/atlas/Марокко/topics/Образование.Грамотность> (дата обращения 10.07.2019)

9. Bras J.-P. La réforme du code de la famille au Maroc et en Algérie: quelles avancées pour la démocratie? *Critique internationale*. 2007, т. 4, № 37, с. 123–125.

10. *Le code de la famille fait du Maroc l'un des pays les plus progressistes de la région*. Washington. 21.07.05. www.ilnostroplanata.it/wp-content/uploads/2010/10 (дата обращения 03.08.2019)

11. Ennaji M. *Women's NGOs and Social Change in Morocco. Women in the Middle East and North Africa: Agents of Change*. (Ed. F. Sadigi, M. Ennaji). *Gender and Violence in the Middle East*. Ed. M. Ennaji, F. Sadigi. L., Routledge. 2011.

12. Sadiqi F., Ennaji M. The Feminisation of Public Space: Women's Activism. The Family Law and Social Change in Morocco. *Journal of Middle East Women's Studies (JMEWS)*. Indiana University Press. 2006, с. 86–114.

13. Sadiqi F. *The Central Role of the Family Law in the Moroccan Feminist Movement*. British Journal of Middle Eastern Studies. 2008, т. 35, № 3, с. 325–337.

14. Sadiqi F. *Women, Gender and Language in Morocco*. Leiden, Boston: Brill Academic Publishers. 2003.

15. Ennaji M. Civil Society, Gender and Social Cohesion. *Société Civile, Genre et Développement* (ред. М. Ennaji). Fès: Fès-Saïss Publications. 2004, с. 81–89.

16. Mernissi F. *Doing Daily Battle*. New Jersey: Rutgers University Press. 1989.

17. Подробнее см.: Миннихметов Р.А., Маликитская школа в исламском праве. *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право*. 2014, т. 14, № 2.

18. Ennaji M., Sadiqi F. Women's Activism in the New Family Code Reforms in Morocco. *The IYP Journal of History and Culture*. 2012, т. VI, № 1.

19. *Le Monde*, 18.10.2003.

20. Tuquoi J.P. Mohammed VI et les Marocaines. *Le Monde*. 18.10.2003.

21. Charrad M. *States and Women's Rights: The Making of Postcolonial Tunisia, Algeria and Morocco*. University of California Press. 2001.

22. Rude-Antoine E. Le mariage et le divorce dans le Code marocain de la famille. Le nouveau droit à l'égalité entre l'homme et la femme *Droit et culture. Revue internationale interdisciplinaire*. 2010, т. 59, № 1, с. 43–57.

23. Rhiwi L. *Mouvement des Femmes Au Maroc*. Rapport du Social. Rabat: OKAD. 2000, с. 21–28.

24. *Le Matin*. 7.03.2008.

25. *Le Matin*. 19.02.2007.

26. Mseffer D. La Société: Un Lourd Fardeau à Porter. *Le Matin*. 7.03.2008.

27. Christiansen W. Hard Won Change in Morocco and Iran. *Le Monde Diplomatique*. Апрель 2004. <http://mondediplo.com.2004/04/02islamicwomen> (дата обращения 12.09.2019)

28. *Le Monde*. 3.08.2009.

29. Ennaji M. Le Nouveau Code de la Famille, une Réforme de Fonde. *Le Matin*. 28.11.2004.

30. Browsers S. *Democracy and Civil Society in Arab Political Thought: Transcultural Possibilities*. Syracuse: Syracuse University Press. 2006.

ABOUT THE 2004 FAMILY CODE OF THE KINGDOM OF MOROCCO

© 2020 Inna Rybalkina

RYBALKINA Inna G., PhD (History), Senior Research Fellow, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences. Russian Federation, 123001, Moscow, Spiridonovka, 30/1, e-mail: i.rybalkina@inafr.ru

Abstract. *Contemporaries describe the adoption of the Family Code of Morocco in 2004 as Moroccan women's "velvet revolution". One of the most advanced family codes of the Arab-Muslim world was adopted as a result of the complex relationship between the Royal power, Islamic traditionalists, secular parties and women's associations. It has influenced the reform of similar sections of state legislation in other countries in the region. But it has not yet found its reflection in the works of Russian researchers in social history. The article attempts to consider a brief historical retrospective of the law, the main stages of its adoption and modern problems of its implementation in practice, the feminist movement struggle, the counteraction of powerful Islamic forces and traditional society's overwhelming public opinion, including Moroccan women's traditionalist convictions. The reformation of the Code under the influence of international legal documents and declarations was made possible by the country's achievement of a certain level of the socio-economic basis and socio-political relations.*

Keywords: *Personal status code, Royal reforms, women's movements, Islamist parties*

DOI: 10.31132 / 2412-5717-2020-53-4-96-118

References

Borminskaya D.S. Novye tendentsii v razvitii musulmanskogo semeynogo prava na primere Semeynogo kodeksa korolevstva Marokko 2004 g. (New Trends in the Development of Muslim Family Law Using the 2004 Family Code of the Kingdom of Morocco as an Example). *Semeynoe i zhilishchnoe pravo*. 2009, No. 3, p. 3–14.

Bunyatova F.D. Mudavana ili kodeks lichnogo statusa v Marokko (Mudawana, or personal status code in Morocco). *Notarialny vestnik*. 2015, № 12. elibrary.ru

Benstead L.J. Tunisia: Changing Patterns of Women's Representation. *The Palgrave Handbook of Women's Political Rights. Gender and Politics* (ed. S. Franceschet), M. Krook, N. Tan. London, Palgrave Macmillan. 2018.

Bras J.-P. La réforme du code de la famille au Maroc et en Algérie: quelles avancées pour la démocratie? *Critique internationale*. 2007, vol. 4, No. 37, p. 123–125.

Browsers S. *Democracy and Civil Society in Arab Political Thought: Transcultural Possibilities*. Syracuse: Syracuse University Press. 2006.

Charrad M. *States and Women's Rights: The Making of Postcolonial Tunisia, Algeria and Morocco*. University of California Press. 2001.

Christiansen W. Hard-Won Change in Morocco and Iran. *Le Monde Diplomatique*. April 2004. <http://mondediplo.com/2004/04/02islamicwomen> (accessed 12.09.2019)

Le code de la famille fait du Maroc l'un des pays les plus progressistes de la région. Washington. 21.07.05. www.ilnostropianata.it/wp-content/uploads/2010/10 (accessed 03.08.2019)

Eddouada S., Pepicelli R. Maroc: vers un "féminisme islamique d'État". *Critique internationale*. 2010, vol. 1, No. 46, p. 87–100.

Ennaji M. Civil Society, Gender and Social Cohesion. *Société Civile, Genre et Développement* (ed. M. Ennaji). Fès, Fès-Saiss Publications. 2004, p. 81–89.

Ennaji M. Le Nouveau Code de la Famille, une Réforme de Fonde. *Le Matin*. 28 November 2004.

Ennaji M. Steps to the Integration of Moroccan Women in Development. *The British Journal of Middle Eastern Studies*. 2008, vol. 35, No. 3, p. 339–348.

Ennaji M. Women's NGOs and Social Change in Morocco. *Women in the Middle East and North Africa: Agents of Change* (ed. F. Sadigi, M. Ennaji). L., Routledge. 2010; *Gender and Violence in the Middle East* (ed. M. Ennaji, F. Sadigi) L., Routledge. 2011.

Ennaji M., Sadiqi F. *Migration and Gender in Morocco*. Trenton, Red Sea Press. 2008.

Ennaji M., Sadiqi F. Women's Activism in the New Family Code Reforms in Morocco. *The IYP Journal of History and Culture*. 2012, vol. VI, № 1.

Harrak F. *The History and Significance of the New Moroccan Family Code*. Institute for the Study of Islamic Thought in Africa (ISITA). Working Paper № 09-002. March 2009.

<https://knoema.ru/atlas/Марокко/topics/Образование.Грамотность> (accessed 10.07.2019)

Katulis B. *Women's Freedom in Focus: Morocco*. Wash.: Freedom House. 2004, p. 25.

Khalil A. Tunisia's Women: Partners in Revolution. *Journal of North African Studies*. 2014, vol. 19, No. 2, p. 186–199.

Le Matin, 19 February 2007.

Le Matin. 7 March 2008.

Le Monde. 18 October 2003.

Le Monde. 3 August 2009.

Lerari H. Femmes du Maroc entre hier et aujourd'hui: quels changements. *Recherches internationales*. 2006, vol. 77, No. 3, p. 65–80. www.recherches-internationales.fr/R177/R177 (accessed 04.07.2019)

Mellakh K. De la Moudawwana au Nouveau Code de la famille au Maroc: une réforme à l'épreuve des connaissances et perceptions "ordinaires". *L'Année du Maghreb 2005–2006*, P., CNRS Éditions, 2007, p. 35–54.

Mernissi F. *Doing Daily Battle*. New Jersey: Rutgers University Press. 1989.

Mseffer D. La Société: Un Lourde Fardeau à Porter. *Le Matin*. 7 March. 2008.

Minniahmetov R.A. Malikitskaya shkola v islamskom prave (Malikite school in Islamic law). *Vestnik Yuzhno-Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo*. 2014, vol. 14. No. 2.

Murg B. La Moudawana: les dessous d'une réforme sans précédent. *Les Cahiers de l'Orient*. 2011, vol. 2, No. 102, p. 15–29.

Orlov V.V. Reformy semeynogo kodeksa v sovremennom Marokko: pozitsii korolevskogo dvora, islamistskih krugov i svetskih partij. (Reforms of the family code in modern Morocco: the position of the royal court, Islamist circles and secular parties). *Lomonosovskie chteniya*. April 2009 g. Vostokovedenie. Moscow, Klyuch-S. 2009, p. 27–29.

Ouali N. Les réformes au Maroc: enjeux et stratégies du mouvement des femmes. *Nouvelles Questions Féministes*. 2008, vol. 27, No. 3, p. 28–41.

Rapport annuel sur l'application du Code de la famille. la Ligue démocratique pour les droits des femmes, Centre d'information et d'observation des femmes marocaines, 2005.

Rhiwi L. Mouvement des Femmes Au Maroc. *Rapport du Social*. Rabat: OKAD. 2000, p. 21–28.

Rude-Antoine E. Le mariage et le divorce dans le Code marocain de la famille. Le nouveau droit à l'égalité entre l'homme et la femme. *Droit et culture. Revue international interdisciplinaire*. 2010, vol. 59, No. 1, p. 43–57.

Sadiqi F. The Central Role of the Family Law in the Moroccan Feminist Movement. *British Journal of Middle Eastern Studies*. 2008, vol. 35, No. 3, p. 325–337.

Sadiqi F. *Women, Gender and Language in Morocco*. Leiden, Boston: Brill Academic Publishers. 2003.

Sadiqi F., Ennaji M. The Feminisation of Public Space: Women's Activism. The Family Law and Social Change in Morocco. *Journal of Middle East Women's Studies (JMEWS)*. Indiana University Press. 2006, p. 86–114.

Tuquoi J.P. Mohammed VI et les Marocaines. *Le Monde*, 18 October 2003.